

Р. С. Закиров

**Об одной провокации Департамента
полиции (из материалов следствия
над членом Боевой Организации
партии социалистов-революционеров
И. П. Каляевым в 1905 г.)**

В России на рубеже XIX–XX вв. в силу ряда причин широкое распространение получили террористические методы борьбы с существующим режимом. В частности, Боевой Организацией Партии Социалистов-Революционеров в 1903–1905 гг. были осуществлены успешные покушения на министров внутренних дел Д. С. Сипягина и В. К. Плеве, уфимского губернатора Н. М. Богдановича, великого князя Сергея Александровича, а также неудачные покушения на градоначальников Дубасова и Оболенского.

Каждое успешное покушение широко освещалось в революционной прессе и служило мощным средством агитации и пропаганды. Речи обвиняемых и защитников в судах тоже служили таким средством и нередко издавались многотысячными тиражами. Правительство со своей стороны прекрасно это понимало и принимало контрмеры.

Согласно неписанному кодексу эсеровской этики, террорист должен был следовать определенным нравственным нормам, в частности, следить за тем, чтобы во время покушения не пострадали посторонние лица, особенно женщины и дети; вести скромный образ жизни, не употреблять чрезмерно спиртное, не предаваться разврату, вести себя положительно и т. п., то есть не давать повода, который можно было бы использовать для дискредитации дела партии и революции. Конечно, были и исключения из этого правила — но в революционной среде они рассматривались как отклонение от нормы и осуждались.

Согласно одному из положений этого неписанного кодекса, террорист не должен был показывать трусость и слабость, особенно после покушения. Наоборот, он должен был быть готов отдать свою жизнь за дело революции: сразу ли на месте покушения вместе

**Закиров Ринат
Саярович,**
*соискатель,
Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М. А. Шолохова
(Москва)*

с тем, в кого он бросал бомбу, уцелел и отстреливаясь до последнего патрона, или сдавшись и будучи повешенным по приговору суда. Вообще вариант, что террорист после покушения останется в живых, никогда не рассматривался как основной: шансов уцелеть при взрыве бомбы было слишком мало, чтобы можно было надеяться на это всерьез. По этим причинам члены Боевой Организацией Партии Социалистов-Революционеров не готовили себе путей отступления — группа прикрытия, карета с рысаками и т. п. — этого всего никогда не было. Если террорист оставался в живых, за его защиту в суде брался кто либо из сочувствующих делу революции адвокатов, но несмотря на это, почти все террористы отправлялись на виселицу.

Эта готовность террористов к смерти объясняется тем, что многие из них считали убийство (даже убийство явного врага революции, ведь он такое же создание божье, как и сам террорист) грехом, который можно искупить только ценой собственной жизни¹.

Разумеется, эта традиция встречала сочувствие и понимание в народе, поэтому власти предпринимали немалые усилия для дискредитации революционеров и террористов. Нужно было показать, что революционеры и террористы не соответствуют своему же собственному неписанному кодексу чести. Рассмотрим один из использованных Департаментом полиции способов (ставший, пожалуй, самым известным) на примере следствия над эсером-террористом И. П. Каляевым.

Покушение на великого князя Сергея Александровича 4 февраля 1905 г. прошло успешно: великий князь, ехавший в карете один, без сопровождающих, был убит, оказавшиеся на месте взрыва случайные прохожие не пострадали. Исполнитель этого покушения И. П. Каляев остался жив и был схвачен на месте происшествия.

В процессе следствия предпринимались попытки собрать показания о том, что И. П. Каляев пытался скрыться с места происшествия, и даже о том, что он был пьян². Однако для того чтобы серьезно подпортить имидж революционеров, требовалось что-то более серьезное, чем попытка исполнителя скрыться или его нетрезвое состояние: нужно было его раскаяние и прошение о помиловании, и 7 февраля 1905 г. к Каляеву пришла вдова убитого великого князя Елизавета Федоровна. Сопровождали великую княгиню бывшая фрейлина Е. Н. Струкова и бывший адъютант великого князя Гадон. Третьим человеком, который на тот момент знал о визите великой княгини в тюрьму, был московский градоначальник Е. Н. Волков³.

Фабула этой истории широко известна: великая княгиня выразила желание встретиться с убийцей великого князя, посмотрела в глазок камеры⁴, была поражена образом Каляева и решила войти. Они о чем-то поговорили, великая княгиня сказала, что великий князь простил бы Каляева, и вручила Каляеву крестик.

Поначалу Каляев был уверен в искренности великой княгини, а свое согласие разговаривать с ней объяснял так: «Я мое дело сделал, как мог, но я был и виновником величайшего человеческого горя невинной женщины, и я чувствовал себя нравственно обязанным об-

легчить ей ее страдания, насколько это было возможно»⁵. Впоследствии он вспоминал, что великая княгиня говорила с ним «не только приветливо, но прямо униженно, подействовала на мою чувствительность, разжалобила меня и поднесла мне крест и образок»⁶.

Неизвестно, какое в действительности впечатление на великую княгиню произвел И. П. Каляев (тем более что он, по понятным причинам, был не очень приветлив с ней), но вообще впечатление он производил сильное. Например, адвокат В. В. Беренштам описал первую встречу с подзащитным так: «Передо мной стоял юноша с бледным тонким лицом. И сразу же поразили его глаза. Умные и глубокие, страдающие глаза. Его скорбные глаза сияли и светились чистотой. Но они были полны твердой, непоколебимой решимости и могучей силы. И они пронизывали насквозь. И я вспомнил, где и когда раньше видел его лицо. То был лик святого на картине великого и чуткого художника»⁷. Е. С. Сазонов вспоминал, что прежде всего, что бросалось в глаза при знакомстве с И. П. Каляевым — это «общее впечатление внутреннего сияния»⁸, о том же самом писала П. С. Ивановская⁹.

Разумеется, документальных подтверждений того, что эта встреча и все ей сопутствовавшее было полицейской провокацией, скорее всего нет и не предвидится: если и давались какие-то распоряжения, то на словах. Однако на это есть множество косвенных указаний. В частности, не вызывает сомнений тот факт, что визит великой княгини в тюрьму не являлся спонтанным порывом, а был заранее спланирован и организован: сообщение о предстоящей встрече с грифом «секретно», отправленное министру юстиции С. С. Манухину сенатором Е. Б. Васильевым, датировано 6 февраля. Уже тогда Е. Б. Васильеву было известно о том, что великая княгиня будет просить о смягчении участи арестованного и, что самое интересное, — Е. Б. Васильев упомянул, что сведения о предстоящем визите получены им от директора Департамента полиции¹⁰. По всей видимости, действительно директор Департамент полиции А. А. Лопухин, находившийся в то время в Москве, являлся организатором этой встречи, и имеется свидетельство, что он же сам и разгласил всю эту историю¹¹.

Это представляется очень вероятным, и даже если допустить, что великая княгиня обращалась к А. А. Лопухину не напрямую, а через градоначальника Е. Н. Волкова, сам факт участия директора Департамента полиции в организации какого-либо мероприятия заведомо попахивает провокацией¹².

А если истинным организатором встречи был Департамент полиции, тогда становится ясно, что, скорее всего, искаженная огласка события в прессе не была случайной, а кампания по канонизации великой княгини и дискредитации Каляева была продумана и спланирована. Известно, например: ходили слухи о том, что изначально не предполагалось, что встреча И. П. Каляева и великой княгини получит широкую огласку, что ее визит в тюрьму страшно скандализировал двор и всем административным лицам, допустившим это свидание, сильно досталось. Через газеты было также сообщено об отказе великой княгини от шефства над полком, расстреливавшим рабочих в Петербурге 9 января¹³.

По нашему мнению, эти слухи были пущены целенаправленно и являются частью пропагандистской кампании Департамента полиции. Визит великой княгини в тюрьму, слухи о скандале при дворе и возможности помилования, отказ от шефства над расстрельным полком, публикации в прессе о раскаянии Каляева — все это, по нашему мнению, не цепь случайностей, а часть плана Департамента полиции по дискредитации и развенчанию террористов.

В свою очередь, Департамент полиции, видимо, принимал решения не самостоятельно, а руководствовался указаниями министра внутренних дел. Тот, в свою очередь, поскольку дело касалось членов царской фамилии, также вряд ли действовал по своей инициативе. Известно, например, что после отклонения кассационной жалобы И. П. Каляева в апреле 1905 г. Николай II лично дал тайное указание директору Департамента полиции Коваленскому добиться от И. П. Каляева прошения о помиловании¹⁴.

Какова была степень участия в этой кампании великой княгини, и было ли оно сознательным — вопрос неясный, но то, что ее визит в тюрьму был организован при содействии Департамента полиции и использован им в собственных целях — несомненно. Определенные имиджевые дивиденды получила и великая княгиня, и самодержавная власть в целом. Единственный, кто должен был остаться в минусе и не остался в нем по чистой случайности — это И. П. Каляев, что тоже является указанием на то, кому была выгодна огласка этой истории.

Как зарождалась и развивалась эта история с визитом великой княгини в тюрьму и раскаянием преступника, проследить нетрудно. Сразу же после убийства великого князя в Москву выехал прокурор Сената Е. Б. Васильев, который ежедневно передавал в Петербург сведения о том, как продвигается расследование. Сведения передавались, как правило, по телефону непосредственно министру юстиции С. С. Манухину, а в особо важных случаях — телеграммой (в частности, о визите Елизаветы Федоровны в тюрьму также сначала было сообщено телеграммой). Полученную информацию министр юстиции в свою очередь в оформлял в виде докладов и предоставлял Николаю II.

Эти самые сведения (в деле имеются черновики и чистовые доклады) содержат очень интересную информацию по поводу обстоятельств визита великой княгини в тюрьму. Еще более интересны метаморфозы, которые претерпевала эта информация на пути от телеграфа к чистовику доклада.

Так, например, в зашифрованной телеграмме, датированной 8 февраля (рядом с датой стоят цифры 5/56, возможно, это время передачи телеграммы — 5 часов 56 минут утра), в которой сообщается о состоявшемся накануне визите великой княгини в тюрьму, информация изложена коротко и не предвещает никакой сенсации: великая княгиня побывала в тюрьме, спросила преступника, за что он убил ее мужа, тот ответил, что это — результат существующего режима, они какое-то время разговаривали, и на этом встреча закончилась¹⁵.

В сведениях, которые в 4 часа 30 минут дня Е. Б. Васильев передавал по телефону, в этом сюжете появляются новые занимательные подробности:

«Ее Высочество изволила обратиться к нему с нижеследующим и словами: “Удивляюсь вашему поступку. Он был доброго сердца человек, никому зла не сделал и исполнял свой долг”. На это злоумышленник ответил: “я исполнил свое поручение, которое является результатом существующего режима”; затем послышался плач преступника. Великая Княгиня видимо тронута поведением преступника и предполагает просить о снисхождении»¹⁶.

В чистовике доклада, который в итоге был представлен Николаю II, эта история обросла новыми деталями: «На это злоумышленник, поднявшись со стула, ответил: “про то знают те, которые поручили мне это сделать, я исполнил свое поручение, это результат существующего режима”. Тогда Ее Императорское Высочество изволила милостиво сказать: “Зная доброе сердце Покойного, Я прощаю вас” и благословила убийцу, а засим попросила Градоначальника и окружающих удалиться и оставалась наедине преступником около 20 минут, причем слышался плач злоумышленника»¹⁷.

То есть мы видим, что на каждом этапе история обрастает все новыми и новыми деталями и подробностями, которых и следа не было в первоначальном сообщении, и даже вторая и третья версия события очень отличаются друг от друга. В итоге в чистовике доклада откуда-то появляются и благословение великой княгини преступника, и вставание его перед великой княгиней, и даже «плач преступника», причем поначалу преступник расплакался, едва выговорив первую же фразу, а в скорректированном для убедительности чистовом варианте он плакал, разговаривая наедине с великой княгиней за закрытыми дверями.

После визита великой княгини в тюрьму началась «информационная поддержка» этого визита: многие газеты написали о нем статьи, причем он был интерпретирован как торжество милосердия и православия (в частности, упоминалось, что И. П. Каляев поцеловал подаренную великой княгиней иконку), а особый акцент был сделан на раскаянии Каляева¹⁸.

По всей видимости, непосредственным источником слухов о посещении тюрьмы и раскаянии И. П. Каляева действительно являлась великая княгиня и ее окружение; во всяком случае, достоверно известно, что эти слухи циркулировали в верхах и скорее всего распространялись оттуда же. Так, в дневнике великой княгини Ксении Александровны имеется такая запись:

«За столом д. Павел говорил такие вещи про Ella¹⁹, что мы еле удерживались от слез. <...> Свой разговор с убийцей она скрывает. Она только сказала, что когда она к нему вошла, он спросил: “Кто вы? — Я жена того, кого Вы убили!”. Она ему простила и дала образок. Говорят, что он весь день лежит на койке, смотрит на образ и плачет!..»²⁰

В дневнике великого князя Константина Константиновича есть прямое указание, что источником слухов была сама великая княгиня:

«По поручению Эллы ее сестра Виктория сказала мне, что Элла ездила к убийце Сергея; она долго говорила с несчастным и дала ему образок. Накануне я слышал об этом посещении от генер<ал>-адъют<анта> А. П. Игнатьева и, пользуясь отсутствием Эллы, ушедшей

укладывать детей, сообщил Павлу, Мари, Виктории и Беатрисе, что слышал. Им не было известно, что Элла была у убийцы, и они не верили этому, даже смеялись...»²¹

Можно сделать вывод, что великая княгиня не делала из посещения тюрьмы тайны, и в курсе дела был уже и «дядя Павел» (великий князь Павел Александрович), и генерал-адъютант Игнатьев, а великий князь Константин Константинович сообщил эту новость тем, кто еще не знал ее. Таким же способом это распространялось дальше, обрастая подробностями и домыслами.

Возможно, великая княгиня действительно изначально сообщила кому-то только минимальную информацию о том, что она была в тюрьме, говорила с арестованным и дала ему образок, опустив все подробности.

Однако для того чтобы запустить процесс, ничего большего и не требовалось; посещение великой княгиней тюрьмы, где содержался бросивший бомбу террорист, было событием, конечно, не рядовым и, несомненно, обратившим на себя всеобщее внимание. Попробуем взглянуть на все это с точки зрения обычного человека, услышавшего передаваемый кем-то слух. Имея в своем распоряжении основные отправные точки (визит вдовы великого князя в тюрьму к убийце; их долгий разговор; вдова подарила убийце образок), информация о которых шла, как мы видим, из самых «верхов», человек (в том числе и редакторы газет, а возможно, и великие князья) вполне естественно и легко домысливал все остальное: торжество истинной веры, олицетворяемое поступком великой княгини, и раскаяние убийцы.

Ведь, не имея полной информации, вполне естественно было предположить, что между входом великой княгини в камеру к убийце мужа и вручением ей убийце иконки, уж коли она была вручена, должно было иметь место раскаяние убийцы: в самом деле, ведь не стала бы великая княгиня вручать иконку нераскаявшемуся преступнику, да он бы и не взял ее. Логическим продолжением этой цепочки следовал вывод о разочаровании в своих идеалах убийцы великого князя, который, как было известно, являлся членом партии эсеров. Раскаяние подразумевает признание своей ошибки, следовательно убийство великого князя было ошибкой, а поскольку оно было осуществлено из идейных соображений, значит, ошибочна сама руководившая убийцей идея.

А поскольку в хорошей идее никто разочаровываться не станет, это негативное мнение обывателя должно было естественным образом спроецироваться на всех революционеров и террористов и на социалистическую идею вообще. Что собственно и требовалось сделать.

Все это уже конечно могло происходить без всякого участия великой княгини (и даже помимо Департамента полиции), но с самого начала трудно было представить, что ситуация начнет развиваться как-то по-другому. Не нужно обладать провидческим даром, чтобы предвидеть развитие событий именно по этому сценарию. Таким образом, есть основания подозревать, что этот информационный вброс был рассчитанным, тем более что когда появились подробности этого визита в искаженном виде, со стороны «слухмейкеров» не последовало никакой реакции.

А возможно, вся эта кампания была специально организована и проведена, слухи специально запускались и поддерживались, редакторы газет получили информацию, как именно осветить это событие и т. д. Единственный вариант, который, на наш взгляд, исключается полностью — это случайность.

Если И. П. Каляев и был введен в заблуждение относительно истинных мотивов визита великой княгини, то ненадолго. Уже 21 февраля он заподозрил неладное и через прокурора передал великой княгине просьбу о повторной встрече. 25 февраля прокурор объявил ответ: великая княгиня «не усматривает надобности вторично его видеть». Каляев сказал, что огорчен ее отказом, так как надеялся получить от великой княгини некоторые объяснения по поводу их прошлой беседы, и пытался выяснить, что пишут о его встрече с великой княгиней в русских и иностранных газетах²². Почему И. П. Каляев вдруг заинтересовался освещением его встречи с великой княгиней в прессе, и какие объяснения потребовал бы у нее, догадаться несложно, но ни газет, ни встречи с великой княгиней ему, разумеется, не предоставили.

Великая княгиня действительно подарила ему иконку, и он действительно молился перед ней (о чем было доложено Николаю II и слух об этом вышел за пределы тюрьмы)²³. Не думаем, что в данном случае для И. П. Каляева имело значение, кем подарена иконка. Впоследствии он вспоминал, что великая княгиня говорила с ним «не только приветливо, но прямо униженно, подействовала на мою чувствительность, разжалобила меня и поднесла мне крест и образок»²⁴.

Только 24 марта 1905 года, когда его инкогнито уже было раскрыто и почерк известен, он смог написать великой княгине письмо. Он передал его для великой княгини, вместе с письмом вернув ей ее иконку²⁵. Это письмо, на мой взгляд, дает самое полное представление о визите великой княгини:

«Ваш отказ от вторичного свидания плохо рекомендует бескорыстие первого <...> Как это случилось, какие интриганы, несомненно из за каких то расчетов, опубликовали сведения о нашем свидании, как о каком то торжестве православия, и скрыв самое существенное, открыли простор самым вольным толкованиям о характере свидания. Под личиной безобидного извещения о “факте” они бросили в публику семя клеветы и тревоги за честь революционера <...> Я доверился вашему благородству, полагая, что ваше официальное высокое положение, ваше личное достоинство могут служить гарантией, достаточной против клеветнической интриги, в которую так или иначе были замешаны и вы. Но вы не побоялись оказаться замешанной в нее: мое доверие к вам не оправдалось. Клеветническая интрига и тенденциозное изображение нашего свидания налицо.

Спрашивается: могло ли бы произойти и то, и другое помимо вашего участия, хотя бы пассивного, в форме непротивления, обратное действие которому было обязанностью вашей чести? Ответ дан самим вопросом, и я решительно протестую против приложения политической мерки к доброму чувству моего снисхождения к вашему горю. <...> Ведь для

меня несомненно, что это вы — источник всех сообщений обо мне, ибо кто же бы осмелился передавать содержание нашего разговора с вами, не спросив у нас на то позволения (в газетной передаче оно исковеркано: я не объявлял себя верующим, я не выражал какого-либо раскаяния). <...> Почему же вы допустили оскорбление моего чувства снисхождения к Вам, зная, что защитить себя от наветов до суда я лишен всякой возможности. Почему Ваши агенты умолчали обо всем, неприятном для Вас, из моего разговора с Вами?

Почему вы не опубликовали моего признания Вам, что великий князь был убит как вредный политический деятель, что я действовал против него сознательно, что мне не в чем раскаиваться, так как моя совесть чиста? Все это скрыто от публики, сообщены безобидно одни «факты»²⁶.

Это письмо было сочтено оскорбительным и не было передано великой княгине, но было впоследствии опубликовано эсерами.

И. П. Каляев очень переживал из-за этой истории: он каким-то острым предметом сделал себе на пальцах порезы в виде колец, и когда его защитник В. В. Беренштам неосторожно упомянул об истории с великой княгиней, в отчаянии стал срывать с заживающих ран на пальцах подсохшую кровь, но вскоре взял себя в руки²⁷.

Своему другому адвокату, М. Л. Мандельштаму, И. П. Каляев сказал: «Правительству было мало подвергнуть меня смертной казни. Оно прекрасно понимало, что создавая мучеников, оно только усиливает ореол революции. Правительство решило не только убить меня, но и скомпрометировать как меня лично, так и ненавистную ему за аграрный террор и беспорядки партию. Оно хотело показать, что революционер, отнявший жизнь у другого человека, сам боится смерти и готов... [любой ценой] купить себе дарование жизни и смягчение наказания. Именно с этой целью Департамент полиции подослал ко мне вдову убитого»²⁸.

Мнение Каляева подтверждается выводами некоторых современных исследователей, которые считают, что визит в тюрьму великой княгини — это хорошо рассчитанный ход правительства, которое пыталось создать образ княгини — великомученицы в противовес образам мучеников-террористов. По их мнению, эта попытка была единственной, которая правительству более-менее удалась, но тем не менее, она не смогла быть достойным ответом на канонизацию многих революционеров-террористов, в том числе и самого Каляева²⁹.

На наш взгляд, исчерпывающая характеристика визита великой княгини в тюрьму к И. П. Каляеву содержится в черновиках докладов Николаю II министра юстиции С. С. Манухина. В одном из них речь идет о том, что великая княгиня собирается писать письмо Николаю II об облегчении участи обвиняемого, и «по сему поводу Ее Императорское Высочество изволила обращаться к московскому градоначальнику с вопросом, насколько, по его мнению, представляется удобным осуществление такого Ее желания в интересах государственного порядка»³⁰.

Кажется, трудно выразиться яснее! Если такое письмо действительно было написано великой княгиней и просьбы о помиловании И. П. Каляева действительно были, то они

были продиктованы не христианским милосердием, как пыталась позиционировать поведение великой княгини официальная пропаганда, а интересами государственного порядка!

Таким образом, можно считать установленным, что с первых часов после убийства великого князя Департаментом полиции началась кампания по дискредитации террориста-исполнителя покушения (с прицелом на дискредитацию партии социалистов-революционеров и революционного движения вообще), и идеализации и канонизации великокняжеской семьи.

Одним из элементов этой кампании был визит в тюрьму великой княгини Елизаветы Федоровны. Вопреки распространенному мнению, этот визит не являлся бескорыстным искренним порывом, а был частью плана по дискредитации исполнителя покушения на великого князя Сергея Александровича, который, однако, не вполне достиг своей цели.

¹ Памяти Каляева. М., 1918. С. 12–13.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 654. Л. 21, 73.

³ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 43.

⁴ Беренштам В. В. В боях политических защит. М.; Л., 1925. С. 86.

⁵ Там же. С. 93.

⁶ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 241.

⁷ Беренштам В. В. В боях политических защит. М.; Л., 1925. С. 93.

⁸ Памяти Каляева. М., 1918. С. 8.

⁹ Ивановская П. С. Дело Плеве. Из воспоминаний // Былое. Неизвестные номера журнала. 1926. № 3 (37). Л., 1991. С. 147.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 67. Д. 591а. Л. 119.

¹¹ Беренштам В. В. В боях политических защит. С. 93.

¹² Показательно, что многочисленные авторы, которые трактуют визит великой княгини в тюрьму как проявление христианского милосердия, упорно не замечают этого факта.

¹³ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 241.

¹⁴ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 119–121.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 67. Д. 591а. Л. 120.

¹⁶ Там же. Л. 108.

¹⁷ Там же. Л. 9 об.

¹⁸ Подборку подобных статей см.: Родина. 1905. № 8. С. 2–3.

¹⁹ Эллой называли великую княгиню Елизавету Федоровну.

²⁰ Дневник великой княгини Ксении Александровны // ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 23. Л. 103–104.

²¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 41–51. — Запись от 13 февраля, но описываются в ней события, сопутствовавшие похоронам великого князя, то есть 10 февраля.

²² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 67. Д. 591а. Л. 20–21.

²³ Там же. Л. 13.

²⁴ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. С. 241.

²⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 67. Д. 591а. Л. 30.

²⁶ И. П. Каляев. М., 1905. С. 11–13.

²⁷ Беренштам В. В. В боях политических защит. С. 90. — Правда, эта информация не находит подтверждения в материалах дела Каляева.

²⁸ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. С. 241.

²⁹ Баранов А. С. Революционный терроризм как феномен русской культуры конца XIX – начала XX веков: Дис. ... к. культурол. н. М., 2000. С. 135–136.

³⁰ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 67. Д. 591а. Л. 109–109 об. — О мнении градоначальника Е. Н. Волкова в документе ничего не говорится (хотя нетрудно догадаться, что он, входивший в ближайшее окружение великого князя, мог думать по этому поводу), но указано, что директор Департамента полиции А. А. Лопухин был против смягчения наказания.

Zakirov R. S. About Police Department's provocation (from the investigation records of Socialist Revolutionary Party's military organization member I. P. Kalyaev 1905)

ABSTRACT: Considered a well-known story about the visit of the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna in jail for the Socialist-terrorist Ivan Kaliayev February 7, 1905. To complete the picture of this event, we study the unpublished archival sources, witnesses, their comparison and analysis. The author proves that, contrary to popular belief about the sincerity and selfless Grand Princess, the visit was a provocation, the Police Department, in order to discredit the artist attempted to run rumors, and their source was the Grand Duchess herself and her surroundings. The material in this work can be used to write articles on the history of the twentieth century Russia and further study of the topic.

KEYWORDS: Revolutionaries, terrorism, IP Kalyaev; attempt; Grand Duke Sergei Alexandrovich, history, the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, Police Department; provocation.

AUTHORS: Ph. D. student, Sholokhov Moscow Humanities State University; rinat21978@gmail.com

REFERENCES:

¹ Pamiati Kaliaeva. Moscow, 1918.

² Russian Federation State Archive.

³ Dzhunkovskii V. F. Vospominaniia. T. 1. Moscow, 1997.

⁴ Berenshtam V. V. V boiakh politicheskikh zashchit. Moscow-Leningrad, 1925.

⁵ Mandelshtam M. L. 1905 god v politicheskikh protsessakh. Zapiski zashchitnika. Moscow, 1931.

⁶ Ivanovskaia P. S. Delo Pleve. Iz vospominanii // Byloe. Neizvestnye nomera zhurnala. 1926. N 3 (37). Leningrad, 1991.

⁷ Paléologue M. Tcarskaia Rossiia vo vremia mirovoi voiny. Moscow, 1991.

⁸ Rodina. 1905. N 8.

⁹ I. P. Kaliaev. Moscow, 1905.

¹⁰ Baranov A. S. Revoliucionnyi terrorizm kak fenomen russkoi kultury kontca XIX – nachala XX vekov: Dis. ... k. kulturool. n. Moscow, 2000.